

Сюэ Кайчао был лишь слегка удивлён, но подумал, что Шу Цзюнь молод и не с детства занимался совершенствованием, поэтому его реакция была естественной. Он не придавал этому особого значения. Однако Шу Цзюнь, будучи стеснительным, чувствовал себя крайне неловко из-за того, что внезапно оказался в таком состоянии перед ним, и хотел спрятаться.

Он замолчал, его лицо покраснело, и краснота распространилась дальше. Хотя Сюэ Кайчао уже накрыл его одеялом, он не мог сразу забыть произошедшее. Он дотронулся до лба Шу Цзюня, его движения были слегка неуклюжими, но тон оставался обычным:

— Ты ранен, и тебе неудобно, так что не вставай. Когда поправишься... тогда и поговорим.

Он видел, как Шу Цзюнь пытался подняться. Но сейчас это было не только предупреждением не переутомляться. Шу Цзюнь уловил намёк и покраснел ещё больше. Однако он был настолько застенчивым, что даже от намёка покраснел, так что сказать что-то определённое было для него невозможно. Он лишь пробормотал, не замечая, что его голос стал слегка капризным, и попытался сменить тему:

— Я вспомнил, что купил кое-какие продукты, хотел приготовить что-нибудь. Неужели сейчас нельзя?

После того как его энергетический центр наполнился, Шу Цзюнь, в принципе, мог обходиться без еды, но он ещё не достиг инедии. К тому же, живя в мире людей, невозможно полностью отказаться от пищи. Он привык к трёхразовому питанию, и внезапное отсутствие еды вызывало у него чувство пустоты. Каштаны или лotosовые семечки — всё это было просто для удовольствия.

Сюэ Кайчао, услышав это, сначала ощупал синяки Шу Цзюня под одеялом и, увидев, что тот всё ещё вздрагивает, сказал:

— Не торопись. Лучше завтра. Сейчас тебе нужно принять лекарство и отдохнуть.

Подумав, он добавил:

— Если тебе скучно, я принесу лotosовые семечки, ты можешь их очистить и съесть.

Сказав это, он встал, положил Лазурного Ци линия у изголовья кровати Шу Цзюня и, увидев, что тот инстинктивно обнял его, вышел.

Шу Цзюнь поспешил одеться, преодолевая боль. После шока и нескольких слов его мысли рассеялись, и тело успокоилось. Он больше не смел спать здесь без одежды, иначе ситуация становилась слишком двусмысленной. Даже если Сюэ Кайчао не придавал этому значения, он сам не мог сдерживаться.

Маленький Ци линь был пушистым и тёплым, он терся о его спину, затем перебежал на перед и лёг на его ноги, перевернувшись на спину, словно не желая, чтобы он одевался.

Шу Цзюнь очень любил пушистых животных, но это было духовное тело Сюэ Кайчао, и он не решался даже прикоснуться к нему, особенно зная, что оно часто отражает его волю. Однако Лазурный Ци линь сам не стеснялся. Он обычно не искал ласки у других и часто парил в воздухе, не привлекая внимания, но сейчас...

Шу Цзюнь снял его со своих ног и тихо пробормотал:

— Оба они делают это нарочно, видеть можно, но трогать нельзя...

Он быстро надел нижнее бельё и снова лёг. Пока он убирал вещи, он успел оценить размеры пещерной обители. Она была не очень большой, и Сюэ Кайчао мог быстро дойти до кухни и обратно.

Думая об этом, он невольно вспомнил, что это место когда-то было обителью госпожи Дугу. Шу Цзюнь вздохнул. Говорили, что госпожа Дугу обладала невероятной силой и была бродячим заклинателем. В молодости она путешествовала по миру, и так познакомилась с отцом Сюэ Кайчао. В такие времена бродячие заклинатели были редкостью, большинство предпочитало присоединяться к семьям или сектам, так как без поддержки было трудно совершенствоваться, и они легко становились мишенью для бедствий.

Именно поэтому те бродячие заклинатели, которые добивались успеха, были необычайно сильны. Шу Цзюнь, находясь во Дворце Закона и прожив столько лет, мало слышал о рано ушедшей госпоже Дугу, но это было ожидаемо. Он заметил, что Сюэ Кайчао никогда не упоминал своих родителей, и предположил, что, возможно, он просто был эмоционально холоден. Однако сейчас, находясь в обители госпожи Дугу, он понял, что это маловероятно.

Сюэ Кайчао вернулся в Семью Сюэ в двенадцать лет, до этого он жил с родителями. Как он мог не испытывать к ним привязанности? Даже если он был гениальным, он всё же был ребёнком.

С этими мыслями Шу Цзюнь снова вздохнул, чувствуя грусть и жалость. Госпожа Дугу умерла рано, и многие избегали говорить об этом. Он был тактичен и никогда не задавал вопросов, но предполагал, что если она была настолько сильной, как она могла умереть так рано? Возможно, здесь скрывалась какая-то тайна, и Сюэ Кайчао, находясь здесь и вспоминая о ней, вероятно, чувствовал себя не лучшим образом.

Шу Цзюнь решил не упоминать об этом и не давать Сюэ Кайчао думать об этом. Он изначально был любопытен к этому месту, так как утром не успел всё рассмотреть, и вряд ли у него будет ещё возможность побывать в чужой обители, но сейчас это было неуместно.

Он ещё немного поразмышлял, как вдруг вернулся Сюэ Кайчао.

Он не умел ухаживать за людьми, а тем более заниматься домашними делами. Где бы он ни был, его всегда окружали слуги, поэтому максимум, на что он был способен, — это вскипятить воду. Шу Цзюнь не смел просить его о большем, и даже чашка горячей воды вызвала у него удивление. Он поспешил сесть и взял корзину со свежими лotosовыми стручками, которые принёс Сюэ Кайчао:

— На самом деле я не так уж плохо себя чувствую, не стоило беспокоить господина.

Эти простые действия вызвали у него тревогу, но Сюэ Кайчао не придавал этому значения. Он снова сел рядом, дал ему две пилюли. Лекарство имело приятный запах, было белоснежным и слегка светилось. После приёма тело наполнилось теплом, что говорило о его качестве. Шу Цзюнь не задавал вопросов, просто принял его, запив тёплой водой.

Сюэ Кайчао взял один из стручков и начал очищать лotosовые семечки:

— Когда вечером нанесёшь ещё раз лекарство, твои раны действительно заживут.

Шу Цзюнь смутился, взял стручок, выдавил семечко и, поймав его, начал катать в руках:

— Господин делает это... это неподобающе.

Сюэ Кайчао взглянул на него и спокойно ответил:

— Здесь больше никого нет.

Шу Цзюнь чувствовал себя неловко, отчасти из-за страха, что кто-то узнает, но больше из-за того, что в его глазах Сюэ Кайчао не должен был заниматься такими вещами. В постели это было одно дело, но в повседневной жизни нельзя было всё переворачивать с ног на голову, чтобы господин ухаживал за ним.

Однако спорить было бесполезно, ведь первое нанесение лекарства действительно было сделано Сюэ Кайчао. К тому же он был прав: здесь были только они двое, а Шу Цзюнь не мог встать, так что другого выхода не было.

Тему пришлось оставить. Шу Цзюнь, отдохнув, почувствовал себя лучше и, очищая лotosовые семечки и удаляя сердцевину, перешёл к обсуждению своей миссии:

— Когда я вернулся, забыл доложить господину, что я принёс половину Янтарных Шипов Хань Чжи, но господин, наверное, уже видел их. Думаю, Семья Мэн приложила немало усилий, чтобы собрать этот набор, но Дворец Закона вернул их без труда.

Половину они забрали у Секты Призраков, а другую половину — Шу Цзюнь. Это действительно было легко.

Сюэ Кайчао усмехнулся, его лицо стало холодным. Он всегда был таким, только близкие могли заметить изменения в его настроении, но слова были прямыми:

— Их семья всегда любила рыскать повсюду в поисках старых вещей.

Это было правдой. Шу Цзюнь вспомнил, как Ю Юй рассказывала, что Семья Мэн нашла Священную Кость, и она ворвалась туда, чтобы забрать её, что стало началом их вражды. Он спросил:

— Священная Кость... что это такое?

Сюэ Кайчао взглянул на него, вложил в его рот только что очищенное лotosовое семечко и без эмоций ответил:

— Ю Юй рассказала тебе?

Это звучало необычно, и Шу Цзюнь не читал об этом в книгах. Он предполагал, что это что-то редкое, но ответ Сюэ Кайчао всё же его удивил:

— Священная Кость... это останки прежних Владетелей Жетонов. Через сотни лет они становятся золотыми.

Шу Цзюнь побледнел, даже забыв, что Сюэ Кайчао кормил его:

— Они... они грабят могилы?

Но разве могилы Владетелей Жетонов так легко раскопать?

<http://bllate.org/book/16142/1445622>